

Кафедра классических языков и литератур ЛИФЛИ: история создания и организация учебного процесса*

Артём Михайлович Скворцов

Челябинский государственный университет,
Российская Федерация, 454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129;
artyom-skvorcov@yandex.ru

Для цитирования: Скворцов А.М. Кафедра классических языков и литератур ЛИФЛИ: история создания и организация учебного процесса. *Philologia Classica* 2020, 15 (2), 394–410. <https://doi.org/10.21638/spbu20.2020.213>

В основу статьи положены архивные материалы Ленинградского института философии, лингвистики и истории (ЛИФЛИ), хранящиеся в Центральном государственном архиве литературы и искусств Санкт-Петербурга, а также неопубликованные мемуарные заметки первого заведующего кафедрой классических языков О.М. Фрейденберг. Хронологические рамки исследования — 1932–1937 гг. — время существования кафедры в составе ЛИФЛИ. Кафедра классических языков и литератур, вновь созданная в 1932 г., стала связующим звеном между дореволюционным поколением филологов и молодым, сформировавшимся в 1920-е гг. Традиционные подходы к преподаванию древних языков слились здесь с марксистскими новациями, такими как установка на «практичность», и возникло сочетание прежних индивидуальных форм исследования с новыми коллективными. Назначение О.М. Фрейденберг как на пост заведующей кафедры было вполне ожидаемо, поскольку она была подходящей фигурой для ранне-советской бюрократии. Вместе с тем во многом благодаря ее административной деятельности прерывания традиций изучения и преподавания классических языков в Ленинграде в конце 1920-х — начале 1930-х гг. не произошло: кафедра стала преемницей аналогичных учреждений, функционировавших в рамках цикла древней истории на факультете языкознания и материальной культуры ЛГУ, а также в Научно-исследовательском институте сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока ЛГУ и в Государственном институте культуры речи. Автор также приходит к выводу, что открытие/закрытие кафедр в 1930-е гг. было следствием не только деятельности государственных структур, но и борьбы внутри научного сообщества.

Ключевые слова: классическая филология в СССР, ЛИФЛИ, О.М. Фрейденберг, филологическое образование, антиковедение.

Организацию Ленинградского института истории, философии и лингвистики (далее — ЛИФЛИ) в 1931 г. следует рассматривать в контексте экономических преобразований, проводившихся с конца 1920-х гг. в СССР, когда был объявлен

* Выражаю благодарность Н.Ю. Костенко (РГГУ) за предоставленный доступ к неопубликованным мемуарным запискам О.М. Фрейденберг, а также к материалам по истории кафедры классической филологии ЛИФЛИ/ЛГУ. Также выражаю благодарность сотрудникам кафедры классической филологии СПбГУ, принявшим участие в обсуждении данной статьи. Статья подготовлена при поддержке Фонда перспективных научных исследований (ФПНИ) Челябинского государственного университета. Приказ от 04.02.2020. № 70–1. Тема гранта: «Модель российской диссертационной системы: исторический опыт формирования».

курс на индустриализацию и подготовку в связи с этим новых технических кадров для промышленных предприятий, для чего создавались отраслевые учебные институты и параллельно сужалась направленность университетов.¹ Каждое высшее образовательное учреждение оказалось подчиненным определенному наркомату, что, вероятно, позволяло наиболее эффективно расходовать и контролировать денежные средства, предназначавшиеся прежде всего для приоритетных направлений подготовки. Как утверждалось, реорганизация университетов позволила бы органически связать науку с производством, объединить теорию и производственную специализацию.² На деле же результаты оказались следующими (называя лишь наиболее очевидные): сроки обучения сократились до 2,5–3 лет, кафедральная и факультетская системы были уничтожены, введен так называемый бригадно-лабораторный метод.

По официальной версии, ЛИФЛИ не относился к разряду научных учреждений. Такое заключение можно сделать из анализа содержания сборника статей «Университеты и научные учреждения», который был составлен к XVII съезду ВКП(б), проходившему с 26 января по 10 февраля 1934 г.: о ЛИФЛИ, как, впрочем, и о педагогических институтах, здесь не сказано ни слова. Но уже через год вышла аналогичная книга с идентичным названием, где подвергалась критике система подготовки кадров, существовавшая до 1932 г., и положительно оценивались преобразования 1932–1933 гг.: восстановление факультетской структуры, передача кафедрам полномочий по осуществлению учебного процесса, упорядочение подготовки аспирантов, увеличение сроков обучения, усиление теоретической образовательной компоненты, отмена ранней специализации и ранней же производственной практики, восстановление индивидуальной ответственности студентов и признание пагубности бригадно-лабораторного метода обучения.³ Сборник 1934 г. создавался по итогам 1931/1932 учебного года, а 1935-го — 1932/1933 г. Полярность оценок явилась следствием постепенного отказа от экспериментов в области образования и педагогики, особенно активно проводившихся, как известно, в 1920-е гг. Формально же смена курса облекалась во внутрипартийную борьбу: в постановлении ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г. нововведения в области организации учебного процесса и методики преподавания начала 1930-х гг. охарактеризованы как «левацкое искривление линии партии в деле строительства высшей школы».⁴

На этой волне преобразований, именно в 1932 г., в Ленинграде воссоздавалась кафедра классических языков и литератур. Радикальные изменения в учебном процессе в Институте в целом современники связывают с приходом С. С. Горловского на пост директора ЛИФЛИ.⁵ Между тем фактором крутых перемен, вероятно, явилась не личность нового начальника, а та волна критики предшествующих преобразований, на которой он пришел.

Для понимания основ, на которых создавалась кафедра, необходимо обратиться к более широкому хронологическому контексту. Существует мнение, что образование в области классической филологии было фактически уничтожено

¹ Скворцов 2020.

² Университеты и научные учреждения 1934, 1.

³ Университеты и научные учреждения 1935. С. 10–13, 22–23.

⁴ Маньковская 1955, 250.

⁵ Могилевский 1997, 10–11.

к концу 1920-х гг. Одна из первых статей, где содержится такой взгляд, принадлежит О. М. Фрейденберг, которая охарактеризовала вторую половину 1920-х гг. как время «университетского прожектерства и нездорового экспериментаторства», итогом чему, по ее мнению, стало прекращение «классики» в 1930 г.⁶ При первом приближении это кажется верным, однако, на наш взгляд, общая картина сложнее и требует как детализации, так и корректировки, которую и попытаемся осуществить в нижеследующем, используя архивный материал. Кроме того, в указанной статье явно прослеживается попытка автора противопоставить период своего руководства кафедрой (то есть с 1932 г.) второй половине 1920-х — началу 1930-х гг.; другими словами, несколько сгущая краски, представить наиболее ярко свои достижения на фоне предыдущих «темных веков».

Традиция преподавания и изучения античной истории и древних языков в Ленинграде не прерывалась и в тяжелые для гуманитарных специальностей годы, с конца 1920-х по начало 1930-х гг. Судя по «Обозрению» 1926 г., на факультете языкознания и материальной культуры ЛГУ имелся «цикл древнего мира», где на «литературно-лингвистическом уклоне греко-римского мира» выпускали филологов-античников с соответствующей языковой подготовкой.⁷ В структуре так называемого «ямфака» к концу 1920-х гг. числились 8 кафедр, среди которых: истории древнего мира (С. И. Ковалев, О. О. Крюгер) и античной филологии (А. И. Малеин, И. И. Толстой, С. Я. Лурье, И. М. Троицкий (с 1938 г. — Тронский), А. В. Болдырев). Ситуация, конечно, была далеко не безоблачной. На заседаниях факультета Б. Л. Богаевский (председатель «цикла истории древнего мира») практически постоянно выступал с жалобами на недостаток часов по антиковедческим дисциплинам, предлагая, например, преподавание древних языков увеличить в 4 раза; сетовал на факт изоляции ямфака от центральных и местных учреждений, отсутствие понимания относительно мест трудоустройства выпускников.⁸ Последний выпуск набора ямфака состоялся уже в Историко-лингвистическом институте в 1932 г. Соответствующий приказ свидетельствует о существовании доисторического, античного и восточного «циклов», студенты которых, наряду со студентами антирелигиозного «цикла», допускались к выпуску.⁹ Недостаток часов отчасти компенсировался за счет неформальных кружков, в ходе которых в домашних условиях происходило чтение и комментирование древних авторов. Так, относительно хорошо известна история кружка АБДЕМ, включавшего, правда, уже состоявшихся ученых-филологов.¹⁰

Когда образовался ЛИЛИ на основе гуманитарных подразделений ЛГУ (в 1930 г.), в его составе сначала существовал кабинет античной филологии,¹¹ а также кафедры античной филологии (заведующий — О. О. Крюгер) и античной культуры и феодализма (заведующий — В. Ф. Кипарисов).¹² Но уже 1 июля 1931 г. последовали новые структурные изменения: вводились музейно-краеведческое, редакционно-издательское, переводческое и педагогическое отделения взамен этнографическо-

⁶ Фрейденберг 2000, 107.

⁷ Обзорение преподавания 1926, 58–61.

⁸ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 203. Л. 7, 20.

⁹ ЦГАЛИ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 16. Л. 24.

¹⁰ См.: Бударagina 2019.

¹¹ ЦГАЛИ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 9. Л. 8.

¹² Там же. Л. 128.

го, восточно- и западно-европейского.¹³ Несмотря на масштабное сокращение кафедр с 57 до 32, в составе Института числилась кафедра греческого языка и литератур (вероятно, латинисты относились к кафедре романских языков).¹⁴ Заведующим оставался О. О. Крюгер, являвшийся, вероятно, ставленником С. И. Ковалева. Последний в самом начале 1930-х гг. пользовался наибольшим влиянием в советской исторической науке об античности, возглавляя в ГАИМК (ведущем на тот момент научном учреждении, где проводились исследования древних и средневековых обществ) Институт истории рабовладельческого общества. С. И. Ковалев стремился сосредоточить в одной структуре под своим началом как историков-антиковедов, так и филологов-классиков. Так, например, с 1934 по 1937 г. педагогический коллектив кафедры истории древнего мира ЛГУ, которой он заведовал, включал в себя преподавателей латинского и древнегреческого языков: И. И. Толстого, И. М. Тронского, М. Е. Сергеевко, Н. П. Баранова, В. В. Петухову, Т. С. Стахевич.¹⁵ Показателен также эпизод, описанный в воспоминаниях О. М. Фрейденберг. В 1933 г., когда кафедра классических языков уже была воссоздана, С. И. Ковалев вместе с О. О. Крюгером и В. В. Струве убеждали директора ЛИФЛИ С. С. Горловского присоединить ее к кафедре древней истории, доказывая главенствующее положение истории по отношению к филологии.¹⁶ О. М. Фрейденберг стремится продемонстрировать этим сюжетом чрезмерные амбиции пришедших на встречу с начальством лиц. Впрочем, назвать такую идею лишь результатом их «коварных» замыслов невозможно. Ведь она не являлась новаторской и в принципе была реализована на историко-филологических факультетах эпохи расцвета русского антиковедения, где резкой разграничительной линией между филологами и историками не проводилось. Поэтому при воссоздании прежних структур одним из очевидных вариантов было не административное разделение этих специальностей, а наоборот — их объединение. Существенными оказывались лишь номенклатурные приоритеты.

Из сказанного можно сделать следующий вывод. Структурные изменения в вузах были продиктованы не только вышестоящим начальством и правительственными органами. На низовом уровне они являлись следствием борьбы конкретных личностей, а порой шире — представителей «старой» и «новой» школы. В середине 1920-х гг. определяющими для классической филологии стали фигуры И. И. Толстого и А. И. Малеина, получившие научный авторитет еще в предреволюционное время и сохранившие по инерции (правда, на короткое время) формальное руководство при советской власти; в последнюю треть 1920-х гг. — Б. Л. Богаевского (руководителя «цикла истории древнего мира»), в начале 1930-х — С. И. Ковалева (как уже упоминалось, директора Института истории рабовладельческого общества в ГАИМК). Последние два являются уже руководителями новой формации. Также весь этот период следует учитывать роль С. А. Жебелева, который формально занимал пост руководителя разряда археологии Эллады в ГАИМК до 1930 г., оставаясь при этом авторитетным филологом.

¹³ Там же. Л. 174.

¹⁴ Такой вывод позволяют сделать слова О. М. Фрейденберг о том, что все филологи-классики состояли при кафедре романо-германских языков, которой руководил В. Ф. Шишмарев (Фрейденберг 2000, 107). Вероятно, все же только латинисты.

¹⁵ Календарь-справочник 1937, 129.

¹⁶ Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 8 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 155. Folder 9. [Л. 53].

Иллюстрирует обозначенное положение деятельность Научно-исследовательского института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока, возникшего в 1921 г. вследствие разделения научных и учебных функций университетов. Именно этот Институт стал связующим звеном между дореволюционной филологией и советской. Поначалу в нем большое влияние имели И. И. Толстой и А. И. Малеин, в особенности последний, о чем можно заключить из двух обстоятельств. Во-первых, уровень жалования его был в два раза больше, чем у остальных действительных членов (30 р., как и у Н. Я. Марра).¹⁷ И во-вторых, все проходившие избрание по секции имели обязательный письменный отзыв о научной работе от него, либо же от И. И. Толстого.¹⁸ Делопроизводственная документация свидетельствует, что зачисленные в научные сотрудники секции формально являлись учениками по университету Малеина и Толстого (либо в случае с А. И. Доватуром — С. В. Меликовой-Толстой).¹⁹ К таковым принадлежали выпускники постреволюционного времени — Я. М. Боровский, А. Н. Егунов, Г. А. Стратановский и др., — когда еще оставались неизменными традиции фундаментальной филологической подготовки.

Первоначально в составе Института существовала классическая секция, которую в какой-то момент (вероятно, в 1925 или 1926 г.) упразднили и создали объединенную секцию древнего и ирано-эллинского мира под руководством В. В. Струве. Позднее, вероятно в 1928 г., произошла очередная «оптимизация», в ходе которой появилось Отделение литературы, а внутри него — группа древних литератур во главе с тем же Струве. Заметим, что именно этот Институт, где выполнялись тематические коллективные проекты либо издания переводов древних авторов, стал завершающим звеном в программе углубленного филологического образования выпускников Петроградского/Ленинградского университета, и по сути, кузницей кадров для будущей кафедры классических языков ЛИФЛИ. Здесь прошли аспирантуру и защитили квалификационные работы, став «научными сотрудниками 1 разряда», А. В. Болдырев, А. И. Доватур, М. Л. Тронская, И. М. Тронский, Я. М. Боровский. Здесь же с 1922 г. работала С. В. Меликова-Толстая, а с 1925 г. и О. М. Фрейденберг.

Открытие же в ЛИФЛИ специальности по классической филологии в 1932 г. выглядело неожиданным, но, вероятно, было инспирировано сверху, неким высокопоставленным сотрудником Государственного института речевой культуры, имеющим связи в партийных кругах. Скорее всего, этим сотрудником был Н. С. Державин, филолог-славист, новоизбранный академик и директор вышеозначенного Института. В те годы влияние ГИРК на советскую лингвистику было определяющим, без него не обошлось бы создание нового лингвистического факультета в Ленинграде.²⁰ Вот как вспоминает О. М. Фрейденберг в своих мемуарах²¹ о предложении возглавить кафедру: «Однажды, когда я была очень в ИРК'е занята, ко мне

¹⁷ ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 2. Д. 3. Л. 18.

¹⁸ Так, А. И. Малеин составил отзывы на Г. А. Стратановского (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 2. Д. 138. Л. 8), Я. М. Боровского (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 2. Д. 41. Л. 2); И. И. Толстой — на А. Н. Егунова (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 2. Д. 77. Л. 5), А. И. Доватура (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 2. Д. 71. Л. 1–2).

¹⁹ См. предыдущую сноску.

²⁰ Об Институте см.: Зиндер, Строева 1999, 206–211.

²¹ В настоящее время большая часть мемуарных записей О. М. Фрейденберг не опубликована. Об истории архива О. М. Фрейденберг см.: Костенко 2017, 117–127.

пришел партиец-лингвист,²² с которым я была очень мало знакома. Я сказала ему, что мне некогда. Он пришел во второй раз, и так же буднично, и тоже в разгар работы. Сел. Оказалось, он приглашает меня в ЛИФЛИ... *приказано открыть кафедру классической филологии* [курсив мой — А. С.], и вот просят меня организовать ее. Занятая иными мыслями, я быстро отказалась. Тогда он пришел опять, и я опять отказывалась, и он не отступал.

Так прошел месяц, и я забыла об этом. Но вот он снова явился и объявил, что меня давно считают в составе ЛИФЛИ, и время потеряно, и надо немедленно приступать к работе... Почти насильно — только оттого, что вплотную подступила работа, которая не могла ждать ни дня больше — попелелась я в ЛИФЛИ».²³

Отметим здесь несколько важных моментов. Слова «приказано открыть» подтверждают, что создание кафедры в данном случае — это не внутреннее решение ЛИФЛИ, а решение партийно-государственных структур. Обращает на себя внимание, что, по версии мемуаристики, никакой иной кандидатуры на должность заведующего, кроме ее самой, не видели. Даже начало учебного года у первокурсников перенесли (фактически начался 1 декабря 1932 г.), дожидаясь положительного ответа кандидата. Выбор был между С. А. Жебелевым, И. И. Толстым, А. И. Малеиным и О. М. Фрейденберг (но прежде всего между Фрейденберг и Жебелевым). Вероятно, решение принималось недолго, ответ казался руководителям очевидным. С. А. Жебелев в конце 1920-х гг. был подвергнут травле, формально — за публикацию в пражском эмигрантском сборнике «*Seminarium Kondakovianum*», на самом же деле — за голосование в выборных комиссиях против включения в Академию наук новых марксистских членов.²⁴ И. И. Толстой в это же время проходил, правда недолго, по делу «Космической академии наук», якобы готовящей государственный переворот. Плюс к тому за пару лет до открытия кафедры был ликвидирован Научно-исследовательский институт сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (в 1930 г.), в котором, как уже отмечалось, большое влияние имели И. И. Толстой и А. И. Малеин. Собственно, к 1932 г. вся чиновничья иерархия, управляющая филологическими науками, поменялась. С другой стороны, кандидатура О. М. Фрейденберг в тех условиях была самой подходящей. Как она сама пишет, ее предпочли за энергию и «научную новизну».²⁵ Под «новизной» следует понимать приверженность теориям Н. Я. Марра (ср. «*новое учение о языке*»), чьей ученицей и восторженной почитательницей, как известно, была О. М. Фрейденберг. Вместе с тем ее компетентность не вызывала сомнений: на классическом отделении Петербургского университета она училась у именитых профессоров — С. А. Жебелева, И. И. Толстого, А. И. Малеина, Ф. Ф. Зелинского.²⁶ Заметим также, к этому времени она занимала высокие посты в ГИРКе, и если учитывать исключительно внешнюю сторону ее жизни, послужной список (периодически она даже замещала директо-

²² Довольно сложно определить, кто подразумевается под «партийцем-лингвистом». Из дальнейшего повествования с очевидностью следует, что это был не сам Н. С. Державин, а некто более низкого ранга. Но инициатива явно исходила от него.

²³ Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 8 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 155. Folder 9. [Л. 41 об.-42 об].

²⁴ Подробнее о деле С. А. Жебелева см.: Тункина 2000.

²⁵ Пожизненная привязанность 2000, 183.

²⁶ Budaragina 2013, 6.

ра Института речевой культуры),²⁷ то решение вышестоящего начальства кажется очевидным, пусть даже она сама и называет это предложение полной неожиданностью.²⁸ За три года она прошла следующий путь по службе: секретарь секции методологии в ГИРКе — заместитель ученого секретаря ГИРКа — заведующая учебной частью ГИРКа. Непосредственно перед переходом в ЛИФЛИ она занималась подготовкой научных кадров в области филологии. В дипломатичной формулировке Н. В. Брагинской, «период 1930–1933 гг. оказывается периодом наибольшей вовлеченности Фрейденберг в социальный контекст».²⁹ С. С. Горловский, который в качестве директора ЛИФЛИ утверждал кандидатуру О. М. Фрейденберг на место заведующего кафедрой, как представитель советской бюрократии, совершенно не разбирался в ученых достоинствах тех или иных филологов, однако прекрасно понимал политическую значимость своего решения. В этом отношении О. М. Фрейденберг — убежденная сторонница марристской теории — была благонадежна.

К организации учебного процесса О. М. Фрейденберг подошла творчески и с новыми идеями. Именно от нее одной зависел облик создававшейся в новых условиях специальности «Классическая филология». При чтении мемуаров О. М. Фрейденберг в части, посвященной образованию кафедры, может создаться впечатление, что она чрезмерно подчеркивает свою роль в данном процессе: «Я составила очень интересные учебные планы... Я завязала связи с классиками всей России... Я специально привлекла к работе всех, несправедливо затертых жестокой академической средой... Я ввела в университет Беркова,³⁰ дав ему у себя семинарий по технике научной работы, и с моей легкой руки он был приглашен и на русскую кафедру. Я дала почетное положение Баранову...³¹ Я ввела в университет византистку Ел[ену] Эмм[ануиловну] Липшиц... Я умела находить применение для каждого.»³² Столь частое повторение личного местоимения (кроме литературных моментов) вполне объяснимо проводившейся ЛИФЛИ кадровой политикой. На кафедру выделялась всего лишь одна штатная единица — заведующего, все остальные преподаватели приглашались на условиях почасовой оплаты.³³ Такая практика в Институте существовала на постоянной основе и, возможно, явилась следствием перманентных структурных изменений в вузах 1920 — начала 1930-х гг. Складывалась довольно парадоксальная ситуация, отраженная в документации. Согласно Положению от 31 мая 1936 г., кафедра рассматривалась именно как коллектив, руководящей органом которого является пленум, состоящий «из профессоров, всех преподавателей, представителей студентов... и аспирантов».³⁴ Формально же в штате был только один человек. Практиковавшаяся система почасовой оплаты

²⁷ Там же 182–183.

²⁸ Там же 183.

²⁹ Брагинская 1995, 249.

³⁰ Берков Павел Наумович (1896–1969 гг.) — специалист по истории русской литературы XVIII в., источниковедению и текстологии.

³¹ Баранов Николай Павлович (1888–1937 гг.) — ассистент кафедры классической филологии в 1932–1937 гг.

³² Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 8 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 155. Folder 9. [Л. 43–44].

³³ Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 9Ж // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 156. Folder 1. [Л. 29].

³⁴ ЦГАЛИ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 43. Л. 108.

нередко вызывала конфликты: естественно, преподаватели стремились получить как можно больше нагрузки.³⁵

Одной из главных задач, стоявших перед О. М. Фрейденберг, стало написание нового учебного плана. От первых 5 лет работы воссозданной кафедры сохранилось 12 вариантов этого документа. Во всех прослеживается напористое стремление к новизне, отходу от сложившихся традиций в преподавании на классическом отделении. Первый план отличается нетривиальностью и спорным подходом: каждый семестр посвящался отдельной эпохе, изучавшейся с позиции языка, политической истории, литературы. Так, II курс посвящался Греции эпохи формирования полисного общества. Предполагался курс по истории ранней Греции, истории общественного мышления, греческого литературного языка, семинар по языку лириков, семинар по театру, истории фольклора и литературы — каждый из курсов ограничивался временем «темных веков» и архаики.³⁶ На III курсе рассматривался классический период и начинал изучаться «римский литературный язык»; на IV — Греция позднеклассического времени и эпохи эллинизма, параллельно с этим — республиканский Рим; на V — имперская эпоха. Обращает на себя внимание большое количество вспомогательных историко-филологических дисциплин — палеография, папирология, источниковедение, эпиграфика, история материальной культуры, истории искусства. Планировался семинар по классовой сущности христианства и факультатив по античной экономике.³⁷ Такая широта обуславливалась веяниями времени и подразумевала возможность практического использования полученных навыков. Но этот «прогрессивный» учебный план запретили реализовывать в Москве. О. М. Фрейденберг обвиняет в этом М. М. Покровского, С. И. Соболевского, С. И. Радцига и Н. Ф. Дератани, которых называет «мракобесами и мещанами от науки».³⁸ Думается, противодействие «старых» филологов-классиков таким замыслам вполне закономерно. Их опыт педагогической деятельности давал основания говорить о невозможности практического осуществления этого плана. В итоге ввели общепринятую и отработанную десятилетиями систему обучения, которую в общих чертах воспроизводят и сегодня. Кроме того, уже позже предпринимались попытки сделать специализацию внутри специальности и разрешить студентам выбор между лингвистикой и литературоведением,³⁹ либо между греческой и римской филологией.⁴⁰ Однако и этим планам не суждено было воплотиться.

Сохранившиеся программы различных курсов также свидетельствуют о желании О. М. Фрейденберг актуализировать специальность и сделать ее ориентиро-

³⁵ Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 9 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 156. Folder 1. [Л. 29].

³⁶ Пятилетние учебные планы кафедры (отделения) классических языков ЛИЛИ, ЛИФЛИ, ЛГУ (17 вариантов) с пометами О. М. Фрейденберг. Подлинники (автограф, машинопись, гектограф) 1932–1938 гг. // Архив О. М. Фрейденберг, Москва. [Л. 1].

³⁷ Там же. [Л. 1–2].

³⁸ Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 8 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 155. Folder 9. [Л. 43–43 об.].

³⁹ Планы и программы курсов по литературе и языкам, Планы и программы курсов западноевропейской и античной литератур и языков ГИРК, ЛИФЛИ, ЛГУ (в том числе М. Альтмана, И. И. Толстого, И. М. Тронского и др.) Подлинники (машинопись, гектограф, типогр. экз.) // Архив О. М. Фрейденберг, Москва. [Л. 16–17].

⁴⁰ Там же. [Л. 18–19].

ванной на практику. В пропедевтическом курсе «Введение в изучение античности» предполагалось рассмотрение таких аспектов, как «Пролетариат — наследник всех культурных ценностей, в том числе и ценностей античного мира», либо «Место античности в социалистической культуре, овладение ее техникой и использование ее в формировании нового мировоззрения: атеистического, материалистического и диалектического».⁴¹ В целом, характеризуя следующие за античностью эпохи, она уделяла большое внимание рецепции античного наследия, например влиянию воззрений Плутарха и Тацита на Ж.-Ж. Руссо или ораторского искусства Цицерона на судебное и политическое красноречие в эпоху Французской революции.⁴² В плане филологов-классиков имелся также теоретический курс по технике научной работы (П. Н. Берков), направленный на выработку исследовательских навыков у студентов, освоение ими основ издательской деятельности в части процесса подготовки переводов и комментариев к публикации.⁴³

На I курс в 1932 г. набрали 9 человек,⁴⁴ помимо этого набирали студентов еще на 9 отделений (или «циклов»)⁴⁵ И. М. Дьяконов вспоминает, что состав студентов-первокурсников на лингвистическом отделении в те годы был неустойчив: редко кто из них представлял себе особенности той специальности, осваивать которую собирался, а также ту область знания, которую предстояло постичь в течение пяти лет. Распределение между «циклами» осуществляли сотрудники деканата, исходившие из национальной принадлежности обучающегося или формальных моментов.⁴⁶ В реальности дело, видимо, обстояло несколько иначе. Из воспоминаний К. Б. Старковой (в будущем известного востоковеда-гебраиста) поступившей в ЛИФЛИ в 1933 г., становится понятным, что мнение поступающих учитывалось,⁴⁷ хотя, вероятно, не всегда, и недобор на редкие, непопулярные, специальности ликвидировался именно с помощью административного рычага. Поэтому сохранившаяся документация ЛИФЛИ изобилует приказами о переводах и отчислениях, особенно на младших курсах. Чаще всего на первом году обучения среди поступивших царила полная неразбериха.⁴⁸ При этом вступительные испытания были довольно серьезными: абитуриентам предстояло сдать в течение 10 дней экзамены по русскому языку и литературе, химии, математике, физике, истории в объеме девятилетней школы или рабфака.⁴⁹ И все же наибольшую значимость при поступлении играл социальный критерий, о чем порой без обиняков заявляли в деканате. Принадлежность к «классу рабочих» заметно повышала шансы на поступление.⁵⁰ К. Б. Старкова отмечает, что судьбы «абитуриентов» в приемной комиссии вер-

⁴¹ Там же. [Л. 9].

⁴² Там же. [Л. 7].

⁴³ Там же. [Л. 10–11].

⁴⁴ На I курс «классического цикла» поступили: И. З. Велькович, Е. М. Заплата, Е. К. Ипполитова, В. П. Мануйлович, Л. П. Пиринос, Г. И. Тектонида, А. К. Служалова, Т. Н. Чикалина, Ф. Г. Яковиди (ЦГАЛИ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 16. Л. 189 об.). Последние трое стали в дальнейшем преподавателями кафедры: Фрейденберг 2000, 108.

⁴⁵ Приведем список «циклов», помимо классического: английский, немецкий, романский, узбекский, монголо-бурятский, русский, китайский, кавказский, финский.

⁴⁶ Дьяконов 1995, 300.

⁴⁷ Старкова 2006, 200.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ ЦГАЛИ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 71; [Брошюра о приеме в ЛИФЛИ на 1935–1936 учебный год].

⁵⁰ Дьяконов 1995, 297; Старкова 2006, 198–199.

шили студенты старших курсов, аспиранты, комсомольские работники.⁵¹ «Детям служащих» приходилось порой умалчивать о своем происхождении, что грозило отчислением в случае вскрытия данных. Вследствие такого положения дел общий культурный уровень обучающихся не был высоким,⁵² и студенческий контингент к последнему курсу заметно уменьшался. Так, из 9 зачисленных по отделению классической филологии лишь 4 человека в 1937 г. окончили полный курс. Сохранились протоколы государственной экзаменационной комиссии по лингвистическому факультету за 1937 г., из которых следует, что выпускники сдавали один государственный экзамен, состоявший из трех частей: латинский язык и литература, греческий язык и литература, общее языкознание.⁵³

Доминирующий классовый критерий отбора при поступлении в ЛИФЛИ нередко приводил к конфликтам — как в студенческой среде, так и между преподавателями и студентами. О. М. Фрейденберг рассказывает следующее: «Партсекретарь Ида Снитковская, плохо владевшая русским произношением, предъявила мне претензию за то, что дети служащих имеют лучшие отметки, чем дети рабочих; в разговоре она заявила мне, что партия мне доверяет, а потому просит снижать отметки детям служащих в пользу повышения — детям рабочих».⁵⁴ В документах сохранился один из драматичных случаев, произошедших на классическом отделении. Студентка С. Шмерлинг, получив у И. М. Тронского тройку по латыни, а у О. М. Фрейденберг по греческому языку двойку, решила созвать собрание студентов, где назвала произошедшее «откровенной вылазкой классового врага».⁵⁵ Подобного заявления оказалось достаточно, чтобы начались допросы, обследования, вызовы в горком партии. Но Фрейденберг удалось отстоять свою позицию, и студентку все же отчислили «за нетактичный выпад... и за угрозу и грубость в отношении проф. Фрейденберг».⁵⁶ Хотя уже через месяц Шмерлинг все же восстановили с вынесением строгого выговора,⁵⁷ такой исход «детей служащих» восприняли как свою победу и не боялись открыто конфликтовать с «детьми рабочих». Одна из студенток осмелела настолько, что стала демонстративно носить обручальное кольцо и заявлять о своем происхождении из дворянского рода.⁵⁸

Обратимся к составу кафедры. Это структурное подразделение представляло собой сплав дореволюционной старой профессуры и молодых кадров. На 1935 г. ее состав был таков: О. М. Фрейденберг, С. А. Жебелев, А. И. Малеин, И. И. Толстой, А. В. Болдырев, И. М. Тронский, Б. В. Казанский, С. В. Меликова (Меликова-Толстая), А. Н. Зограф, М. Н. Дювернуа, Я. М. Боровский.⁵⁹ В 1930-е гг. к работе на кафедре привлекались: Е. Э. Липшиц, М. К. Клеман, Н. С. Гинцбург, А. Н. Егунов,

⁵¹ Старкова 2006, 198.

⁵² К. Б. Старкова вспоминает, что в ЛИФЛИ даже устраивались курсы для малограмотных: Старкова 2006, 232.

⁵³ ЦГАЛИ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 68. Л. 5–6, 30–31, 34.

⁵⁴ Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 8 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 155. Folder 9. Л. 83.

⁵⁵ Там же. Л. 83 об.

⁵⁶ ЦГАЛИ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 60. Л. 107.

⁵⁷ ЦГАЛИ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 61. Л. 143.

⁵⁸ Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 8 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 155. Folder 9. Л. 87 об.

⁵⁹ ЦГАЛИ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 71. Л. 83.

А. И. Доватур, П. В. Ернштедт, Р. В. Шмидт.⁶⁰ В этом перечне имен присутствуют не только филологи-классики (подчеркнем — разных поколений), но также представители смежных наук: папирологии, археологии, нумизматики, византистики — что в образовательном плане явилось безусловным достоинством. Кафедра сотрудничала и с ГАИМК. Студенты IV курса проходили практику в Керчи.⁶¹ Поэтому, например, объяснение Я. С. Лурье, что его отца С. Я. Лурье не взяли на работу из-за расхождений в научных взглядах с О. М. Фрейденберг, его несогласия с марристской теорией стадильности сознания,⁶² на наш взгляд, не является исчерпывающим, и даже, вероятно, определяющим. Скорее, подоплеку следует искать в личных отношениях двух ученых (о которых нам, правда, мало известно).⁶³ Заметим, что работу на кафедре получили А. Н. Егунов и А. И. Доватур, входившие в литературный кружок АБДЕМ, трагическая история которого известна. На кафедре продолжили работать ученые старшего поколения: С. А. Жебелев, А. И. Малейн, И. И. Толстой. Ряд их учеников, таких как П. В. Ернштедт и Я. М. Боровский, преподавали древние языки. У студентов-классиков вели занятия: О. М. Фрейденберг, читавшая «Введение в изучение античности» с изложением основных разновременных подходов к этой эпохе и «Историю древнегреческой литературы», С. В. Меликова-Толстая и И. М. Тронский, обучавшие азам древнегреческого и латинского языков соответственно, И. И. Толстой, читавший со студентами греческих авторов, а порой и курс «Истории древнегреческой литературы». И. М. Тронский вел также «Историю римской литературы». Опираясь на воспоминания А. С. Шофмана, обучавшегося в 1933 — 1938 гг., можно добавить, кроме указанного, что С. И. Ковалев вел лекции по «Истории Древней Греции», О. О. Крюгер — по «Истории Древнего Рима», В. В. Струве — по «Истории Древнего Востока». С. А. Жебелев читал спецкурс по истории Северного Причерноморья (с погружением в эпиграфический материал), А. И. Малейн — по истории книги, М. С. Альтман — по Гомеру, П. Н. Берков — по основам научно-исследовательской работы.⁶⁴

⁶⁰ Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Терр. 8 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 155. Folder 9. Л. 44.

⁶¹ ЦГАЛИ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 67. Л. 163.

⁶² Лурье 2004, 137–138.

⁶³ Вероятно, начало определенного неприятия друг друга могли положить события 1928 г., когда в Научно-исследовательском институте сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока производилась реорганизация, а вместе с ней и сокращения филологов-классиков. Руководство предпочло отказаться от С. Я. Лурье в пользу Б. Л. Богаевского и О. М. Фрейденберг. Директор Института Н. С. Державин писал по этому поводу: «Считаю необходимым добавить, что цена научные заслуги т. Лурье, Коллегия Института, тем не менее, поставленная пред необходимостью во имя пользы дела произвести частичную разгрузку Института по линии более обеспеченных научными силами специальностей (древнегреческая филология) в интересах усиления менее обеспеченных (литературоведы-марксисты), а вместе с тем, учитывая также наличность в составе Института представителей истории греческой литературы, ищущих новых путей в своей научной работе, каковы действительный член Богаевский и научный сотрудник 1 разряда Фрейденберг, из коих последняя получила и прекрасную подготовку для такой работы в Институте же — постановила: научного сотрудника 1 разряда из штатных сотрудников перевести во внештатные, не видя никакой возможности предложить к переводу во внештатные сотрудники 1 разряда кого-либо другого из сотрудников взамен Лурье» (ЦГАЛИ. Ф. 288. Оп. 2. Д. 105. Л. 48–48 об.) Просьбы С. Я. Лурье сохранить его в штате оставили без удовлетворения, и он практически лишился к концу 1920-х гг. средств к существованию.

⁶⁴ Шофман 2009, 387–393.

Как видим, О. М. Фрейденберг собрала под своим началом довольно разнообразный по интересам и воззрениям коллектив. Вот как пишет об этом она сама: «На первом же заседании кафедры, где Тронский собирался саботировать, Толстой издеваться, а Лурье [Вероятно, здесь ошибка, так как С. Я. Лурье не было в первоначальном составе кафедры. — А. С.] бунтовать, я сумела так повести дело, что вся кафедра сплотилась вокруг меня и с большим подъемом шла за мной и поддерживала меня. Мы начали дружно работать, и никаких личных моментов никогда у меня не проскальзывало. Как только кафедра в этом убедилась, она пошла за мной и в научной работе».⁶⁵ Конечно же, ситуация складывалась совершенно не так безоблачно, как об этом сообщает мемуарист. Фраза «кафедра сплотилась вокруг меня и с большим подъемом шла за мной» больше подходит для публичных формальных выступлений советских времен и скрывает реальное положение дел. В том же самом тексте мемуаров можно встретить немало упоминаний о ссорах, доносах, недопонимании. Но судя по сохранившимся обрывочным запискам, заведующая действительно предпринимала усилия по созданию единого коллектива, побуждению сотрудников к занятиям наукой. Справедливости ради заметим, что научная деятельность требовалась от кафедры как структурной единицы Института. В 1934 г. в качестве одной из задач заведующая ставит «охват всех членов кафедры научной работой».⁶⁶ Результатом таких усилий стал сборник «Античные теории языка и стиля» (1936 г.), где представлены отрывки из произведений античных теоретиков языка. С 1937 г. под руководством И. М. Тронского коллективно разрабатывалась тема по античной литературной теории и латинского синтаксиса.⁶⁷

Регулярный характер приобрели собрания кафедры с чтением научных докладов. Сохранился их перечень за 1933/1934 учебный год. Можно выделить несколько основных блоков: проблемы лингвистики и литературоведения (С. В. Меликова-Толстая, «Язык Горгия»; А. И. Доватур, «К изучению ранней научной прозы у греков», «Язык Геродота»; И. М. Тронский, «Возникновение в Греции теории языка»; О. М. Фрейденберг, «К происхождению античной драмы»; И. И. Толстой, «Сюжет “Елены” Еврипида»; И. М. Тронский, «О принципах нового издания “Илиады” Гнедича», рецепция античного наследия, в том числе история переводческой деятельности (М. С. Альтман, «Пушкин и Гнедич»; А. И. Малейн, «Ювенал в западноевропейской литературе»; И. И. Толстой, «Гнедич как переводчик “Илиады”»), историографическим вопросам (О. М. Фрейденберг, «Значение Н. Я. Марра для науки об античности»; С. А. Жебелев, «Герман Узенер (к 100-летию со дня рождения)»)⁶⁸. В этом перечне можно выделить общие проблемы, как, например, проблема происхождения жанров в античности (А. И. Доватур — жанра научной прозы, О. М. Фрейденберг — драмы). Но в целом для интересов членов кафедры характерно разнообразие, хотя в юбилейной статье 1938 г. (изданной в 2000 г.) О. М. Фрейденберг заметит, что руководимый ею коллектив в первые два года работал над «Проблемой

⁶⁵ Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 8 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 155. Folder 9. [Л. 45].

⁶⁶ Списки членов кафедры классической филологии // Архив О. М. Фрейденберг, Москва. [Л. 2].

⁶⁷ Фрейденберг 2000, 109.

⁶⁸ Список докладов (с аннотацией содержания), прочитанных на кафедре классической филологии ЛИФЛИ в 1933/34 уч. г., обращение зав. кафедрой классических языков и литературы ЛИФЛИ О. М. Фрейденберг к филологам-классикам с предложением об установлении научных контактов. Подлинники (машинопись). [1934] // Архив О. М. Фрейденберг, Москва. [Л. 1–2].

греческого литературного языка».⁶⁹ В 1934 г. указанный выше перечень докладов был разослан филологам по всей стране вместе с письмом⁷⁰ с целью установления контактов и обмена научными трудами. Думается, О. М. Фрейденберг целенаправленно стремилась к обретению кафедрой статуса ведущей в своей области в рамках страны.

В целом на общем фоне других создаваемых и воссоздаваемых подразделений ЛИФЛИ кафедра классической филологии заметно выделялась. Налаживанию работы кафедр и факультетов препятствовали самые различные факторы: отсутствие закрепленных штатов, нехватка помещений, специальной литературы и др. К тому же не было гарантии долговечности нововведений: пертурбации 1920-х гг. слишком явно об этом свидетельствовали. В апреле 1933 г. директор ЛИФЛИ С. С. Горловский заявлял: «Вы знаете, какую роль постановление ЦИК предназначает кафедре в институте, кафедре в вузе. Кафедра в вузе должна быть самой основной ячейкой научно-учебной работы. Эту работу кафедры не выполнили в целом. Мы должны сказать, что большинство кафедр не стало еще звеном научно-учебного процесса».⁷¹ Громкие заявления не способствовали улучшению ситуации, поэтому пришлось в 1936 г. выпускать Положение о работе кафедр,⁷² где закреплялась их учебно-научная роль и подробно прописывались задачи. Последние указывались предельно точно, без всегда возможных в таких случаях обобщений, и с вполне определенным уклоном: так удобнее было требовать их выполнения. Например, программа курса должна представлять не только заглавия тем, но «и угол разрешения отдельных проблем»,⁷³ или «особую роль кафедра должна проявлять по отношению к *способным и социально-ценным аспирантам* [курсив мой — А. С.], чаще заслушивать их отчеты и отчеты их научных руководителей, коллективно обсуждать отдельные проблемы их научно-исследовательской работы, помогать постановке их докладов в научно-исследовательских учреждениях Ленинграда вне ЛИФЛИ, способствовать напечатанию их работ».⁷⁴ После столь подробного перечисления функций автор, видимо, не зная, что еще приписать, суммирует в неподходящем для циркуляра стиле: «Короче — на обязанности кафедры лежит контроль и руководство обучением студентов и аспирантов, наблюдение за успеваемостью каждого из них, принятие мер к повышению уровня подготовки советского специалиста».⁷⁵ Помимо этого, устраивались социалистические соревнования, что было нормой во времена стахановского движения, но в вузах выглядело комично. Делопроизводительная документация пестрит объявлениями о соревнованиях различного рода за звания: лучшей кафедры, лучшего студента, лучшей группы, лучшего старосты, лучшей машинистки, лучшей уборщицы.⁷⁶ Победившей кафедре выдавали Крас-

⁶⁹ Фрейденберг 2000, 108.

⁷⁰ Об этом свидетельствует сохранившаяся печатная форма письма, начинавшаяся словами «Уважаемый товарищ», после чего следовало оставленное место для вписывания конкретного имени (Там же. [Л. 3]).

⁷¹ Эту выдержку из газеты «Известия» передает О. М. Фрейденберг в мемуарах: Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 8 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 155. Folder 9. [Л. 45].

⁷² ЦГАЛИ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 43. Л. 108–111.

⁷³ Там же. Л. 108.

⁷⁴ Там же. Л. 110.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ ЦГАЛИ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 44. Л. 214–216.

ное знамя, победителям в индивидуальных номинациях денежные премии: преподавателям — от 200 до 400 руб., студентам — 100 руб., машинисткам — 100 руб., уборщицам — 50 руб.⁷⁷ О. М. Фрейденберг 1935 г. получила премию в размере 500 р. «за хорошее руководство кафедрой, за большую научную работу, за активное участие в общественной жизни».⁷⁸

Работа со студентами относилась к числу прерогатив. Несмотря на отсутствие в учебных планах защит дипломных работ, заведующая проводила регулярно студенческие кружки (сама ими руководила),⁷⁹ раз в месяц организовывала встречи с каждым курсом в отдельности, «прикрепляла» студентов к преподавателям для научной работы. Это следует из отрывочных записей,⁸⁰ содержащих среди прочего перечень задач, которые она перед собой ставила в ходе учебного года — не для занесения в формальный план ради отчетов, а для личного контроля. В 1935/1936 учебном году по ее инициативе действовал факультативный семинар по чтению «Характеров» Феофраста.⁸¹ Плодом этих занятий стала публикация перевода сочинения с комментарием.⁸² Позднее, уже в рамках ЛГУ, из молодых ассистентов, аспирантов и студентов О. М. Фрейденберг была собрана «гомеровская группа». Я. М. Боровский в 1937/1938 учебном году для выпускников кафедры организовал семинар по комментированному чтению Юлия Цезаря.⁸³

Таким образом, воссозданная в 1932 г. кафедра объединяла как традиционные методы преподавания древних языков, так и определенные диктуемые временем новшества, прежде всего ориентацию, во многом декларативную, на практическую полезность. (Привнесение теорий Н. Я. Марра в научные труды сотрудников кафедры относится лишь к самой О. М. Фрейденберг и ее ученикам.) Использовались как прежние индивидуальные формы научной работы, так и новые коллективные, например издание совместных монографий. Архивный материал позволяет проследить более сложный, чем это обычно изображается в литературе, в частности мемуарной, процесс институционального оформления классической филологии в Ленинграде в 1920 — начале 1930-х гг. Непрерывающиеся реорганизации свидетельствуют об отсутствии во властных кругах четких представлений о судьбе сказанного научного направления в новых условиях. Кроме того, структурные изменения являлись и следствием борьбы внутри научной корпорации. Вопреки распространенному мнению, полного прерывания традиций изучения и преподавания древних языков в Ленинграде в конце 1920 — начале 1930-х гг. не произошло. В структурном отношении кафедра стала преемницей нескольких недолговечных учебно-научных институций, действовавших в рамках «цикла истории древнего мира» факультета языкознания и материальной культуры ЛГУ, НИИ сравнитель-

⁷⁷ Там же. Л. 216. Для сравнения: зарплата директора составляла в месяц 700 руб., завкафедрой — 250 руб., машинистки — 150 руб. (ЦГАЛИ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 61. Л. 56).

⁷⁸ ЦГАЛИ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 43. Л. 185.

⁷⁹ Заметим, что обучавшийся в это время А. С. Шофман воспринял идею кружков и продолжил эту традицию уже в Казанском университете (известные «Античные понедельники»). Подробнее см.: Алмазова 2016, 131–160; Кашцев 2019, 70–71.

⁸⁰ Списки членов кафедры классической филологии, составленные О. М. Фрейденберг. Автограф. [1937–1940 гг.]. Л. 1–2.

⁸¹ Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 10 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 156. Folder 2. [Л. 50 об.–51].

⁸² Фрейденберг 1941, 129–141.

⁸³ Фрейденберг 2000, 109.

ной истории литератур и языков Запада и Востока ЛГУ, Государственного институту речевой культуры, а в плане содержательном — объединяющим звеном между мощной старой школой государственного классицизма и тем замечательным поколением филологов, которое сформировалось в 1920-е гг.

Литература

- Алмазова Н. С. «Настоящая лаборатория научной работы»: казанский семинар «Античный понеделник» в контексте понятия «научной школы». *Вестник Университета Дмитрия Пожарского* 2016, 2 (4), 131–160.
- Брагинская Н. В. Siste viator!: предисл. к докл. О. М. Фрейденберг «О неподвижных сюжетах и бродячих теоретиках». *Одиссей. Человек в истории* 1995, 244–271.
- Бударагина О. В. К истории АБДЕМ (по материалам петербургских архивов). *Philologia Classica* 2019, 14/2, 299–309.
- Дьяконов И. М. *Книга воспоминаний*. Санкт-Петербург, Европейский дом, 1995.
- Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Институт речевой культуры и советское языкознание 20–30-х годов. *Язык и речевая деятельность* 1999, 2, 206–211.
- Календарь-справочник Ленинградского государственного университета им. А. С. Бубнова на 1937 г.* Ленинград, Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Бубнова, 1937.
- Кашеев В. И. Научный историко-филологический семинар как форма становления творческой личности: прошлое, настоящее, перспективы, в кн.: Кашеев В. И., Нагребельная И. А., Валуева И. В., Коптяева М. А. и др. *Инновационные подходы к развитию личности*. Часть 2: Серия монографий. Одесса, Куприенко СВ, 2019, 60–78.
- Костенко Н. Ю. «Я не нуждаюсь ни в современниках, ни в историографах»: история архива Ольги Фрейденберг. *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»* 2017, 4, 117–127.
- Лурье Я. С. *История одной жизни*. Санкт-Петербург, Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2004.
- Маньковская И. Л. Московский университет в борьбе за создание кадров советской интеллигенции в годы первой пятилетки, в: *Из истории Московского университета. 1917–1941*. Сб. ст. под ред. Е. Н. Городецкого, М. Е. Найденова, М. И. Стишова. Москва, Изд-во Мос. гос. ун-та, 1955, 220–258.
- Могилевский С. Жертва сталинских репрессий Профессор Самуил Саулович Горловский (1898–1940?), в: *К столетию со дня рождения*. Сборник документов и материалов. Сост. проф. С. Могилевский. Иерусалим, б. и., 1997.
- Обозрение преподавания на факультете языковедения и материальной культуре (ямфак) Ленинградского государственного университета*. Ленинград, б. и., 1926.
- Пастернак Б. Л. *Пожизненная привязанность. Переписка с О. М. Фрейденберг*. Сост. Е. В. и Е. Б. Пастернаки. Москва, АРТ-ФЛЕКС, 2000.
- Скворцов А. М. МИФЛИ и ЛИФЛИ: Проблема возникновения и практика подготовки антиковедов. *Электронный научно-образовательный журнал «История»* 2020, Т. 11, вып. 1 (87): <https://history.jes.su/s207987840008373-9-1/> (дата обращения: 22.07.2020).
- Тункина И. В. «Дело» академика Жебелева. *Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России* 2000, 2, 116–161.
- Университеты и научные учреждения. К XVII съезду ВКП(б)*. Москва, Ленинград, Гос. тех.-теор. изд-во, 1934.
- Университеты и научные учреждения*. Второе переработанное и дополненное издание. Москва, Ленинград, Объед. науч.-тех. изд-во, 1935.
- Фрейденберг О. М. Кафедра классической филологии: материалы к 120-летию университета, в: *Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Материалы к истории факультета*. Санкт-Петербург, Филологический факультет СПбГУ, 2000, 105–109.
- Фрейденберг О. М. «Характеры» Теофраста. *Ученые записки ЛГУ. Сер. филол. наук*. 1941, вып. 7 (№ 63), 129–141.
- Шофман А. С. Не угаснет огонь Прометея (Из истории советского антиковедения.) *Мир историка: историографический сборник* 2009, вып. 5, 369–410.

Budaragina O. Olga M. Freidenberg, Aristid I. Dovatur, and the Department of Classics in Leningrad, in: *Classics and Communism: Greek and Latin behind the Iron Curtain*. Ljubljana, University of Ljubljana, 2013, 3–18.

Department of Classical Languages and Literature of the LIPLH: Creation and Organization of the Educational Process*

Artyom M. Skvorcov

Chelyabinsk State University,
129, ul. Brat'yev Kashirinykh, Chelyabinsk, 454001, Russian Federation; artyom-skvorcov@yandex.ru

For citation: Skvorcov A. M. Department of Classical Languages and Literature of the LIPLH: Creation and Organization of the Educational Process. *Philologia Classica* 2020, 15 (2), 394–410. <https://doi.org/10.21638/spbu20.2020.213> (In Russian)

The article is based on the records of the Leningrad Institute of Philosophy, Linguistics and History (LIPLH), which are kept in the Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg, as well as unpublished memoir notes by the first head of the Department of Classical Languages, O. M. Freidenberg. Chronological framework of the research — 1932–1937 — the time of the existence of the Department as part of LIPLH. The Department of Classical Languages and Literatures, re-founded in 1932, became a uniting link between the pre-revolutionary generation of philologists and the young generation formed in the 1920s. Here merged traditional methods and approaches to the teaching of ancient languages and Marxist innovations, such as focus on ‘practicality’, and a combination arose of the earlier individual forms of research with the new collective ones (publication of general works). The article argues that the appointment of O. M. Freidenberg as the head of the department was quite expected, for she was a singularly appropriate figure for the communist establishment. The author also comes to the conclusion that the full interruption of the traditions of learning and teaching of classical languages in Leningrad in the late 1920s — early 1930s never happened, and that the department has become a successor to similar institutions that functioned earlier in the frame of the ‘cycle’ of ancient history at the Faculty of Linguistics and Material Culture of the LSU, as well as at the Research Institute for Comparative History of Literatures and Languages of the West and East of the LSU, and at the State Institute of Speech Culture. The author also draws the conclusion that the opening/closing of the departments in the 1930s was not only a consequence of the activities of government structures but also of the internal conflicts of the scholarly community.

Keywords: classical philology in the USSR, LIPLH, O. M. Freidenberg, philological education, classical studies.

References

- Almazova N. S. A real laboratory of academic work?: the Seminar Antichny Ponedelnik (Classical Monday) at Kazan’ in the context of the notion of scientific school. *Vestnik Universiteta Dmitriia Pozharskogo* 2016, 2(4), 131–160. (In Russian)
- Braginskaya N. V. Siste viator! Preface to the paper by O. M. Freidenberg “On unmoved plots and wandering theorists”. *Odisei. Chelovek v istorii* 1995, 244–271. (In Russian)

* The article has been prepared with the support of the Foundation for Advanced Scientific Research (FSPR) of Chelyabinsk State University. Project number 70-1, 04.02.2020. Project title: “Historical experience of forming the model of the Russian dissertation system”.

- Budaragina O. Olga M. Freidenberg, Aristid I. Dovatur, and the Department of Classics in Leningrad, in: *Classics and Communism: Greek and Latin behind the Iron Curtain*, Ljubljana, University of Ljubljana, 2013, 3–18.
- Budaragina O. V. On the History of ABDEM (based on Materials of St. Petersburg Archives). *Philologia Classica* 2019, 14(2), 299–309. (In Russian)
- D'yakonov I. M. *Book of memories*. St. Petersburg, Evropeiskii dom Publ., 1995. (In Russian)
- Freidenberg O. M. Theophrastus' *Characters*. *Uchenye zapiski LGU. Ser. filol. nauk*. 1941, iss. 7 (no. 63), 129–141. (In Russian)
- Freidenberg O. Department of Classical Philology: materials to the 120th anniversary of the university. *Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Materialy k istorii fakul'teta*. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU Publ., 2000, 105–109. (In Russian)
- Calendar-reference of A. S. Bubnov. Leningrad State University in 1937*. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Bubnova Publ., 1937. (In Russian)
- Kashcheev V. I. Scientific historical and philological seminar as a form of creative personality formation: past, present, prospects, in: Kashcheev V. I., Nagribel'naya I. A., Valueva I. V., Koptyaeva M. A. et al. *Innovatsionnye podhody k razvitiu lichnosti*. Chast' 2: Serii monografii. Odessa, Kuprienko SV Publ., 2019, 60–78. (In Russian)
- Kostenko N. Yu. "I need neither contemporaries, nor historians". A history of Olga Freidenberg's archives. *Vestnik RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiia"* 2017, 4, 117–127. (In Russian)
- Lur'e YA. S. *The story of one life*. St. Petersburg, Izd-vo Evrop. un-ta v S.-Peterburge Publ., 2004. (In Russian)
- Man'kovskaya I. L. Moscow University in the struggle for the creation of cadres of the Soviet intelligentsia during the first five-year plan], in: *Iz istorii Moskovskogo universiteta. 1917–1941*. Eds E. N. Gorodetskii, M. E. Nidionov, M. I. Stishov. Moscow, Izd-vo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1955, 220–258. (In Russian)
- Mogilevskij S. Victim of Stalinist repressions, in: *Professor Samuil Saulovich Gorlovskii (1898–1940?)*. *K stoletiu so dnia rozhdeniia. Sbornik dokumentov i materialov*. Comp. by S. Mogilevskii. Jerusalem, s. n., 1997. (In Russian)
- The Review of Teaching at the Faculty of Linguistics and Material Culture (Yamfak) of Leningrad State University*. Leningrad, s. n., 1926. (In Russian)
- Pasternak B. L. *Lifelong affection. Correspondence with O. M. Freudenberg*. Ed. by E. V. and E. B. Pasternak. Moscow, ART-FLEKS Publ., 2000. (In Russian)
- Skvorcov A. M. MIPLH and LIPLH: the Problem of the Emergence and Practice of Classicists Training. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriia"* 2020, Vol. 11, iss. 1 (87). <https://history.jes.su/s207987840008373-9-1/> (accessed: 22.07.2020). (In Russian)
- Shofman A. S. The Promethean Flame will not extinguish (from the history of Soviet classical studies. *Mir istorika: istoriograficheskii sbornik* 2009, 5, 369–410. (In Russian)
- Tunkina I. V. The case of academician Zhebelev. *Drevnii mir i my: Klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii: Al'manah*, St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2000, II, 116–161. (In Russian)
- Universities and academic institutions. To the XVII Congress of the UKP(b.)* Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe tekhniko-teoreticheskoe izdatel'stvo Publ., 1934. (In Russian)
- Universities and academic institutions. 2nd rev.* Moscow, Leningrad, Ob"edinennoe nauchno-tekhnicheskoe izdatel'stvo Publ., 1935.
- Zinder L. R., Stroeva T. V. The Institute of Speech Culture and Soviet Linguistics of the 1920s and 1930s, in: *Yazyk i rechevaya deyatel'nost'*. St. Petersburg, 1999. Vol. 2, 206–211. (In Russian)

Received: April 19, 2020

Accepted: August 12, 2020